

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.17>

UDC 394

LBC 63.521(=411.2)-731

Submitted: 16.08.2018

Accepted: 03.12.2018

BETWEEN EVERYDAY LIFE AND A HOLIDAY: COLLECTIVE WORKS AND PUBLIC DUTIES IN THE DON COSSACK COMMUNITY ¹

Marina A. Ryblova

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the analysis of the practice of organizing collective works and duties in the traditional community of Don Cossacks. The relevance of the research is due to both small exploration degree of this problem and possibilities of using some traditional forms of organizing working community life in modern conditions. **Methods and materials.** The base of the article is the analysis of periodic printing data of the late 19th century and ethnographic expeditions of the 20th – early 21st centuries. The paper presents the practice analysis of organizing collective works and social duties in the traditional community of Don Cossacks. Different varieties of field works, hunting, neighbour mutual help in constructing houses and preparing products for winter, improving settlements, maintaining churches etc. were related to collective works and duties. Such duties as keeping horse producing herds, being on duty at stanitsa administration, convoying, securing settlements were determined by the features of the Cossack militarized mode of life. Social works and duties were distributed by sex and age. **Analysis and Results.** By the structure and functions revealing this practices and by analyzing people's terms for their designation the author determines that the most part of these works and duties (in view of their social importance and ways of organizing, and due to the connection with the term of common share) were related more to the sacral scope than the profane one and in fact represented varieties of rite forms. Such attitude to the labor sphere of life was connected with shared worldviews of Cossacks, their ideas about harmonically arranged social life. The relevance of the presented materials is determined by small exploration degree of this problem and possibilities of using some traditional forms of organizing working community life in modern conditions.

Key words: traditional Cossack community, collective works, public duties, rites, Don Cossacks.

Citation. Ryblova M.A. Between Everyday Life and a Holiday: Collective Works and Public Duties in the Don Cossack Community of the 19th – the First Third of the 20th c. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 202-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.17>

МЕЖДУ БУДНЯМИ И ПРАЗДНИКОМ: КОЛЛЕКТИВНЫЕ РАБОТЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБЩИНЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ¹

Марина Александровна Рыблова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ практики организации коллективных работ и повинностей в традиционной общине донских казаков. Актуальность исследования обусловлена как малой степенью изученности этой проблемы, так и возможностями использования некоторых традиционных форм организации трудовой общинной жизни в современных реалиях. В основу исследования положен анализ данных периодики второй половины XIX в. и полевых этнографических материалов, собранных в экспедициях XX – начала XXI в. в местах традиционного проживания донских казаков, а также в личных поездках автора. Основой метода стало выявление структуры и функций коллективных работ и общественных повинностей донских казаков, их связи с поло- и социовозрастной структурой казачьей общины, ее обрядовой сферой жизни. Анализ терминологии, используемой казаками для обозначения отдельных видов работ и повинностей, позволил максимально приблизиться к народному пониманию их сути и основных социальных функций. Проведенный анализ показал, что к числу коллективных работ и общинных повинностей в дореволюционное время относились различные виды полевых работ, охота и рыбная ловля, соседская взаимопомощь при постройке дома и заготовке продуктов на зиму, благоустройство поселений, содержание церкви и др. Особенности военизированного быта казаков были обусловлены такие повинности, как содержание конно-плодовых табунов, дежурство при станичном правлении, конвоирование, охрана поселений и пр. Распределение общественных работ и повинностей происходило по половозрастному признаку; некоторые виды работ признавались не совместимыми со статусом казака-воина и делегировались проживавшим на территории казачьих поселений «иногородним» – не входящим в сословие казаков. Большинство коллективных видов работ были основой не только хозяйственной и трудовой, но также и социальной и культурной жизни казаков. Многие из этих работ и повинностей (в силу их общественной значимости, способов организации и связи с понятием общей доли) относились более к сфере сакральной, чем профанной, представляя собой, по сути, разновидности обрядовых форм. За таким отношением к трудовым будням скрывались общие мировоззренческие установки казаков, их представления о гармонично устроенной социальной жизни, в которой общее дело и соседская взаимопомощь представлялись как приоритетные и духовно обоснованные.

Ключевые слова: традиционная казачья община, коллективные работы, общественные повинности, обряды, донское казачество.

Цитирование. Рыблова М. А. Между буднями и праздником: коллективные работы и общественные повинности в традиционной общине донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 202–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.17>

Введение. Исследователи русской народной культуры неоднократно обращались к анализу способов и форм организации как обрядовой, так и хозяйственной жизни крестьян в рамках традиционной (поземельной, соседской общины). Наиболее глубоко и детально различные аспекты этой большой темы разработаны в трудах Т.А. Бернштам и М.М. Громыко [2; 4]. Что касается общинных традиций донских казаков, то до сих пор основное вни-

мание уделялось тому, как организовывалась ими обрядовая сфера жизни (календарные праздники; обряды, связанные с подготовкой воинов и пр.) [15; 17] или как регулировалась хозяйственная деятельность и социальная жизнь нормами обычного права [7].

Меж тем обращение к проблеме организации трудовой и хозяйственной жизни в рамках традиционной донской казачьей общины в более широком аспекте (формы органи-

зации, распределение функций и ролей по половозрастному признаку и пр.) представляется весьма актуальной, причем не только в научном плане (в силу слабой изученности), но и в практическом: многие из форм общинной жизни (соседская помощь, совместные виды работ по благоустройству поселений и пр.) могут быть востребованы и в современной жизни казачьих обществ, ТОСов, кооперативных объединений и пр.

Ставя перед собой цель выявить и охарактеризовать основные формы коллективных работ и общественных повинностей в традиционной казачьей общине на Дону XIX – нач. XX в., мы предполагаем также обосновать наше предположение о том, что они, будучи частью трудовых будней казаков, представляли собой, по сути, разновидности обрядовых форм, а значит, могут расширить наши представления о так называемой *народной повседневности*. Обращение к традиции коллективных работ и общественных повинностей донских казаков может дать представление о том, как выделалась им правильно организованная (упорядоченная) социальная жизнь, как определялись ими понятия «нормы» («ряда» и «лада») и выстраивались взаимоотношения между членами общины в хозяйственной сфере жизни.

Методы и материалы. В основу исследования положен анализ данных периодики второй половины XIX в. и полевых этнографических материалов, собранных в экспедициях XX – начала XXI в. в местах традиционного проживания донских казаков, а также в личных поездках автора.

Так, нами использованы заметки наблюдателей общинного казачьего быта, опубликованные на страницах таких изданий, как «Донские областные ведомости», «Донская газета», а также в трудах и сборниках Областного войска Донского статистического комитета (работы И. Тимошенко и С. Щелкунова) [21; 24]. Привлекались нами и «сведения» об отдельных видах коллективных работ, собранные в 1880-х гг. известным этнографом М.А. Харузиным, который также обращался к данным донской периодики и материалам станичных архивов [23].

Полевые этнографические исследования проводились в конце 1980-х – начале 2000-х гг.

экспедициями Волгоградского государственного университета и Южного научного центра РАН в местах традиционного проживания донских верховых казаков (Кумылженский, Урюпинский и Алексеевский р-ны Волгоградской обл.). Народная терминология, используемая для обозначения различных видов и форм коллективных работ и взаимопомощи, реконструировалась также на основе наших полевых материалов и материалов, собранных этнолингвистами [18; 19].

Приступая к исследованию форм организации трудовой жизни в традиционной казачьей общине, мы исходили из того, что сохранение и передача традиции в ней происходили преимущественно с помощью обряда. При этом нами была выдвинута гипотеза: с помощью обряда организовывалась не только праздничная (*праздная*) часть общественной жизни, но иногда и повседневная, в том числе – трудовая.

В русском языке слово «обряд» – однокоренное со словом «порядок», и означало оно, в первую очередь, гармонизацию, упорядочивание мира земного (профанного), приведение его в соответствие с миром *горним* (сакральным). О том, что многие повседневные практики воспринимались членами донской казачьей общины если не как часть обрядовой сферы, то как с ней непосредственно связанные, свидетельствуют, например, такие термины, как *обрядить скотину*, *чисторядная казачка*, *обряжаться* в значении «одеваться» (ср. также: *обрядить покойника*). Сакральное и профанное в жизненной повседневности традиционного сообщества постоянно соприкасались в силу того, что многие обыденные практики принимали форму обряда. Это наглядно видно на примере повседневной трапезы: в ней присутствовала обязательная молитва до и после еды; соблюдался запрет на разговоры, порядок подачи и раздела пищи и пр. [16]. Упорядочивалась, *улаживалась* (в соответствии с народными представлениями о норме, ряде и *ладе*) и трудовая деятельность общины, в том числе и повседневная. Конечно, в хозяйственной жизни казаков (как и русских крестьян) выделялись особые трудовые дни, приравниваемые к празднику, например, первый выезд в поле или на уборку урожая, однако мы предполагаем выявить

элементы обряда и в обычных ежедневных трудовых практиках.

Таким образом, основой нашей методики стало выявление структуры и функций коллективных работ и общественных повинностей донских казаков, их связи с половозрастной и социовозрастной структурой казачьей общины, а также с ее обрядовой сферой жизни. Важной частью метода стало обращение к терминологии, используемой казаками для обозначения отдельных видов работ и повинностей, что позволило максимально приблизиться к народному пониманию их сути и основных социальных функций.

Анализ. Коллективный труд и соседская взаимопомощь играли значительную роль в жизни казачьей общины. Очень часто соседская помощь оказывалась при выполнении полевых работ. Об этом на примере ст-цы Казанской писал И. Тимошенко, отмечая, что нередко казачьи семьи «соединялись большими партиями» и выполняли работы на участке поочередно одной семье за другой, делая это «братски, полюбовно» [21, с. 147]. По окончании работ также сообща и по очереди обедали и ужинали.

Корреспондент «Донской газеты», писавший об артельном начале у казаков, отмечал, что эта традиция во многом была связана с какими-то кризисными ситуациями: как в старое время набеги неприятелей заставляли казаков собираться при выполнении полевых работ «в один стан по десяти семей и более», так и неурожайные годы принуждали их уже в более позднее время «иметь один стан и одну кашу и производить покосные работы сообща». Он отмечал также, что коллективный труд на сенокосных участках часто сопровождался коллективным ловом рыбы и приготовлением общего обеда: «если покос производится в луговом займище, от такой артели перед обедом и ужином отряжаются человека два или три для лова рыбы бреднем в каком-либо озере и, наловивши рыбы, готовят обед для всей братии» [10].

О приготовлении общих обедов – в складчину – во время полевых работ свидетельствуют и другие источники. Отметим, что сам термин *складчина* отсылает к мотиву упорядочивания: ср. казачье *ни складу ни ряду* в значении «никакого порядка, продуманности»,

а также *складать* в значении «класть в определенном порядке, придав какой-либо вид, форму» [19, с. 546]. Складчины на Дону, называемые также *ссытками*, были непременной составной частью празднования Троицы, Масленицы и др. праздников и соотносились с понятием общинной доли, которая возобновлялась в важнейшие дни календарного года и подлежала новому переделу посредством организации общей трапезы.

Нередко «полевые сообщества» (объединенные и для полевых работ, и для совместного питания) назывались *односумствами*, то есть компаниями, питавшимися «из одной сумы». Применительно к ст-це Гугнинской Р. Поляков, основываясь на рассказах старожилов, писал в 1874 г., что раньше во время работ на полях (пахота, уборка урожая, сенокос) кто-либо из станичников ставил у себя на кошу *маяк* (шест с привязанной к нему красной тряпичей. – М. Р.), «сзывая тем других, в виду его находившихся». Приходившие к «общему кошу» станичники приносили с собой сумы с продуктами и «потому между собой назывались *односумами*» (см.: [13]).

Сакральный смысл понятий *односум* и *односумство* для казаков хорошо известен, раскрыт во многих источниках, относящихся к их военной истории. За тривиальной общей сумкой с продуктами стояло все то же понятие общей доли – базовое в русской народной традиции, пронизывающее практически все сферы жизни и воплощающееся в обрядах: календарных и связанных с жизненным циклом. Мы уже отмечали, что совместное поедание пищи воспринималось в народной среде как акт сакральный, связывающий сотрапезников и на духовном уровне. У казаков *односумство* в военных условиях приравнивалось к духовному родству. Отсюда становится понятной значимость таких сообществ при организации коллективных полевых работ в мирное время.

На ритуальный характер коллективных трапез, устраиваемых во время полевых работ, указывает, между прочим, и маяк. Таким же образом (с помощью красной тряпки, привязанной к шесту) маркировалась в казачьей традиции и территория праздника. Например, маяк ставили на том месте, где в Фомин понедельник женщины собирались для того, что-

бы совершать обряд кормления Фомы [15, с. 104]; к маяку приходили и в советское время к общему столу для празднования 1 мая и других праздников.

Во время полевых работ практиковалась и простая соседская взаимопомощь, без объединения в артели. Например, в канун праздника, видя, что какая-то семья не справляется с работами, казаки, находившиеся по соседству, помогали ей и вместе с песнями возвращались домой.

Объединение в артели было распространено на Дону при организации охоты и рыбной ловли. В низовьях Дона, где рыболовство было распространено очень широко, столь же широко было распространен ватажный способ организации промысла. Ватаги так называемых «забродчиков» здесь собирали обычно богатые казаки, покупавшие на свои деньги «посуду» – *волокушу*. Владелец волокуши был *хозяином* ватаги, при разделе наловленной рыбы он получал три или четыре части «всего промысла». Каждый из забродчиков получал один пай. Из числа ватажников выбирался *заводчик* или *атаман* (определявший ход работ и следивший за порядком), а также *кухарь* (кошевар) [23, с. 369–373]. Наименование основных должностей в ватаге, а также название процедуры раздела улова *дуваном* указывают на связь рыболовецких ватаг с древним морским военным промыслом казаков.

Сообща, объединяясь в артели, вылавливали казаки рыбу и в общественных станичных озерах. Это происходило в определенные дни, по распоряжению станичного атамана [23, с. 372]. Во многих станицах артельно вылавливали рыбу для станичных приходских праздников или в день празднования Троицы. Также сообща варили из нее уху в больших котлах для общей трапезы. И коллективная ловля рыбы, и общий стол с ухой усиливали сакральность таких трапез.

Широко были распространены на Дону различные виды специально организованной соседской помощи, имевшие местное название *помочи*. Нередко такая помощь осуществлялась именно через общину: совместная обработка земельных участков вдов и сирот; сбор средств погорельцам или для покупки снаряжения казакам-призывникам из малоимущих семей; раздача в голодные годы хле-

ба из общественных запасов наиболее бедствующим. Нередко помочи собирались также и по инициативе самих домохозяев. Так, созывали соседей и всех желающих на *навозницы* – совместный вывоз с усадьбы навоза, *печebитье* и обмазку глиной вновь строящегося дома, на рубку леса, сбор ягод в садах и другие виды работ.

Помочи всегда организовывались по специальному обряду и регулировались целой системой норм поведения. Так, считалось неприличным отказываться от участия в помочах, на них нередко приходили в праздничных нарядах, работали с песнями, по окончании работ хозяин обязан был угощать помочан, устраивались танцы, после чего еще ходили допоздна по селению с песнями. Иногда помочи (например, *солянки*, собираемые для совместного забоя свиней) заканчивались коллективными гаданиями о погоде и урожае [9, с. 56].

Исключительно женским видом помочей (и по составу участников, и по характеру работ) были *капустки* – заготовка на зиму квашенной капусты и *щипки* (*щипанки*) – массовый забой и ощипывание домашней птицы. На *щипанки* казачки собирались незадолго до Рождества. В этот день в большом количестве заготавливали птичье мясо (часть его нередко продавали) и пух, который использовался для изготовления подушек и перин. После работ хозяйева, в доме которых ощипывали птицу, устраивали угощение с песнями и танцами. Главным угощением был *ушник* – лапша из гусиных и утиных потрошков [18, с. 140].

В некоторых станицах владельцы вишневых садов созывали девушек брачного возраста на помочи для сбора вишни. Если у этих хозяев был взрослый неженатый сын, то такие помочи получали статус своеобразных смотрин (на них присматривали будущую невестку), то есть опять-таки имели (функционально) обрядовый характер [11]. Смешанный половозрастной состав участников имели помочи для сбора картофеля, сенокосения, обмазки глиной дома (по-казачьи: *накидывать глину*) при строительстве нового дома.

Об обрядовом характере помочей для обмазки глиной вновь строящегося дома свидетельствует рассказ жительницы ст-цы Тепкинской В.Ф. Донской, относящийся к 1930-м годам (она наблюдала их, будучи под-

ростком). В рассказе упоминается и обязательность участия в помочах всех приглашенных, и чтение молитв (нередко с приглашением священника), и исполнение песен, и угощения помочан: «Хотя большой дом был, хотя маленький – заведено было с обмазкой от света до света управляться, т.е. за день. Поэтому накануне хозяин с хозяйкой дома соседей и родственников обходили, приглашали хату мазать, обещали обед хороший и веселье. Никто им не отказывал, так как это исстари заведено было. Пригласят, бывало, человек 20–30 и со спокойной душой спать идут.

На другой день народ начинает собираться спозаранку. И дома по хозяйству управлялись, и к делу поспевали. Сперва глину месить начинали. Большой круг замешивали. Кто побогаче, те лошадьми замешивали, а победнее – порты задирали и босиком глину с соломой топтали. Часть казаков на коромыслах воду из Хопра таскали. Работа тяжелая, грязная, пот ручьями течет. Рубаху хоть выжимай, а скинуть с себя нельзя: солнце сожжет за день, волдырями покроешься. Что такой труд облегчить может? Или песня, или шутка, или остряк какой из местных побасенками всем животы понадрывает – от тяжелого труда отвлекает.

Мой-то батяня на песни горазд был. Никто вперед его не запевал. А он ходит-ходит по кругу, загорится глазами, толкнет плечом дружка да как затянет: “Вдоль по речке, вдоль по широкой сизый селезень плывет...” Подхватят казаки, одну сыграют, за другую принимаются. А бабы видят, что у казаков-то ноги уже еле двигаются, задирают подолы, и давай с мужиками по кругу бегать, задевают друг дружку, толкаются, но с ног не сбивают – впереди еще все дела, пачкаться рано еще...» [12].

Отмечала рассказчица и «женский» характер помочей для обмазки дома, несмотря на то, что в них активное участие принимали мужчины. Главной распорядительницей всех работ была женщина, как правило, старшая в семье: «Казакам руководить обмазкой дома не доверялось... После доброго первого промеса глины распорядительница обра-

щалась к помощникам: “Эй, молодцы-молодешеньки! Славно потрудились, теперь Богу помолимся!” После молитвы усаживались на лавке за свежесвыструганный стол в тени дома или раскидистого вяза. Говорили: “Поедим да квасу напьемся, да опять за работу возьмемся”» [12].

Обед помочан также вполне соответствовал праздничному: на стол подавалось множество блюд, часть которых была обязательной к употреблению. Завтрак состоял из блинов в сметане, вареников, сала, огурцов, вареных яиц. На обед всегда подавали два первых блюда (например, наваристый борщ и окрошку), их употребление в пищу было обязательным. И только после этого помочане могли есть другие, подаваемые на обед блюда – по желанию. Также желающим предлагали выпить перед едой по рюмке самогона. Перед обедом и после совершалась коллективная молитва. По ее окончании работа возобновлялась, но теперь главный ее фронт был у женщин.

Перед тем, как накинуть на стену первый шлепок глины, углы дома окропляли святой водой, после чего вновь становились на общую молитву. Если заранее приглашенный священник запаздывал, то читать «Живый в помощи» начинала «старшая управительница», остальные вторили ей. После этого мужчины начинали мастерить и переносить подмостья, подавали глину, а женщины ее накидывали.

Как при строительстве дома особыми обрядовыми действиями сопровождалась отдельные этапы работ (закладка фундамента, поднятие матицы и пр.) [14, с. 137–138, 142], так и при обмазке готового дома глиной совершали подобные манипуляции. При обмазке оконных проемов в стену вмазывали вместе с глиной цветные тряпочки, нитки, кусочки кожи, пуговицы. Считалось, что эти предметы будут способствовать тому, что «в доме всегда будет, во что одеться и обуться». Вмазывая различные предметы в стену, женщины приговаривали: «Заложу я в стенку латок – будет, что одеть в достаток». Информантка так детализировала этот момент: «Казачки на язык всегда остры и находчивы были. Пока летит шлепок до стены, она уже что-нибудь новое сочинит. Казаки лишь посмеиваться да похахатывать ус-

невали. Жаль, что многие из тех прибауток стерлись из памяти. Ближе к ночи бабы затирали последние нижние углы. Порядком уставшие, всё больше отдыхали, в шутку поругивались: «Вот хоромы возвели какие, всю родню угробить решили. Ставь, хозяйка, курицу, а то проголодались совсем» [12].

Приготовление лапши для последнего угощения помочан сопровождалось особыми предписаниями: первого петуха рубили непосредственно в доме (*хате*): «чтобы живность на базу не переводилась». Эта традиция также находит параллели в обряде закладки нового дома. При сооружении *обчинки* (первого венца сруба) на опорном столбе (*стуле*), который находился в месте расположения будущего *переднего* (*святого*) угла, резали курицу или петуха, после чего распивали бутылку вина. Птичью голову, стаканы и пустую разбитую бутылку по окончании трапезы закапывали под стул. На вопрос соседей или родственников «*На чью голову строити дом?*» – отвечали: «*На курицыну*» [14, с. 137]. Курица (или петух) в данном случае играли роль «строительной жертвы».

В помочах для обмазки дома из петуха и нескольких кур готовили наваристую лапшу, которой угощали помочан. Ведущей на трапезе была старшая женщина-организатор, которая не только потчевала гостей, но и подводила своеобразный итог проведенным работам.

Отличительной чертой вышеописанных помочей для обмазки дома было то, что помочане (*мазальщики*) в продолжение всего заключительного ужина сидели в грязной, испачканной глиной одежде. Чистыми были лишь лица и руки, предварительно обмытые водой. По окончании ужина начинались танцы, нередко – под гармонь. В ходе танцев кто-то из мазальщиков начинал разрывать одежду на партнерах. Рвали в клочья рубахи, майки, платья. Постепенно в эту «забаву» включались все участники обряда. После беготни с криками все шли к Хопру, там купались и постепенно расходились по домам [12].

Разрывание одежды по окончании помочей в описанное время, действительно, было уже простой «забавой». Однако эта традиция также находит разъяснение в обрядовой прак-

тике, связанной с так называемыми *бабьими праздниками*. На Дону к их числу относился обряд проводов Фомы, имевший украинское корни, а на Украине, например, обряд «гоньты шуляка» («гнать коршуна»). В обряде проводов Фомы женщины – участницы обряда – могли сорвать одежду с повстречавшегося им казака [15, с. 105]; а в украинском обряде «проводов шуляки», в том случае, если он проходил в корчме, женщины могли разорвать одежду на случайно вошедшем туда мужчине. В одном из вариантов праздника (Кременской у. Волынской губ.) женщины приходили в корчму, когда там уже были посетители; одна из женщин подходила к знакомому мужчине и говорила: «*Купи чарку, а то штаны разорву*». В случае отказа она действительно могла разорвать на нем всю одежду. В этой местности название праздника *розірви* объясняли именно этим обычаем [22, с. 63]. Во всех вариантах «бабьих праздников» (в том числе и с участием чучела, которое тоже разрывали) происходило символическое перераспределение нереализованной мужской *доли* (плодородной силы мужчин, по всей видимости, умерших «до срока») между женщинами – участницами обряда. Включение элементов «розірви» в структуру помочей лишний раз подчеркивает, с одной стороны, их женский, а с другой – обрядовый характер.

Широко распространенными в казачьих поселениях были и так называемые *станичные общественные работы*. Целый набор таких работ был связан с церковью и ее содержанием. Так, для отопления церкви в некоторых станицах (например, в Аннинской) оставляли на одном из озер камыш, который употребляли на топливо и который казаки косили сообща, десятками: одна половина косит, другая свозит на место. В других поселениях на станичном сборе делали *раскладку*, то есть определяли, сколько плит кизняка необходимо изготовить и предоставить с одного пая. После этого *выростки* (казаки предпризывного возраста) по приказанию атамана ездили с подводами по дворам и собирали кизьяки. Если в юрте станицы было много леса, церкви и другие общественные строения отапливали дровами, рубка которых также осуществлялась коллективно [23, с. 275].

В некоторых поселениях в случае, если в церкви не было специального сторожа, для ее охраны привлекали казаков «престарелого возраста» («кому за сорок»). Они располагались в церковной караулке и не только занимались охраной церкви от воров, но и очищали церковный двор от снега, подметали в церкви полы. Специальным колоколом они также отбивали время, звонили в случае пожара, извещали колокольными ударами о смерти кого-то из станичников.

Общинной обязанностью женщин и девушек была уборка и украшение церкви. Впрочем, назвать эти виды работ обязанностью или, тем более, повинностью, сложно, так как выполнялись они, по свидетельству М. Харузина, всегда «по усердию и желанию» [23, с. 279]. Убирать (по-казачьи *банить*) церкви приходили накануне больших праздников: Рождества, Пасхи, Троицы, Спаса; в случае приезда архиерея. Эти виды работы понимались женщинами как послушание и также не были лишены известной ритуальности: «Священник только объявит за несколько дней, что “нужно храм почистить – не найдутся ли желающие”. Потом он уговаривается с казачками о дне и часе, в который им удобнее исполнить работу. В назначенное время раздается звон церковного колокола, и казачки начинают собираться. Обыкновенно бывает три звона. После третьего звона начинается работа, во время которой присутствуют дьякон и староста. В алтарь мыть пол допускают только девушек, но оне не смеют дотрагиваться до престола и жертвенника: за этим следит дьякон» [23, с. 279].

Особые виды общественных работ закреплялись за так называемыми «анормальными», к числу которых относились люди, в чьем жизненном цикле произошел некий сбой, отклонение от нормы: сироты, вдовы, старые девы; казаки, не способные нести воинскую службу; и пр. Так, старые девы или вдовы могли быть избраны общиной на станичном или хуторском сборе в просвирни. Просвирне полагалось за работу денежное вознаграждение, при этом особо оговаривалось: будет она топить печи при выпечке просфор на свои дрова или полученные от общины. В некоторых станицах просвирня сама обходила дворы и собирала муку; в других это делали специально

назначенные на сборе люди. Просвиры выпекались один раз в неделю, перед воскресной службой; остаток просвир просвирня могла забирать себе [23, с. 282].

В некоторых поселениях станичные общества избирали особых женщин, призванных изыскивать незаконнорожденных детей и отправлять их в «сиропитательный дом». Общество платило таким женщинам жалованье, часть которого они тратили на приобретение рубашек, крестиков и расходы на отправку детей в Новочеркасск [1].

Общественной повинностью мужчин, не способных к строевой воинской службе (тех же аномальных), могло стать отбывание «атарщицкой повинности», то есть уход за станичными конно-плодовыми табунами. Отарщики не получали за свою службу платы, поэтому в определенные дни года (например, на Рождество) устраивали ритуальные обходы дворов, во время которых произносили особые тексты и взимали плату с хозяев деньгами (по 15 коп. с лошади), мясом, хлебом, овощами и пр. Рождественский обход дворов отарщиками в ст-це Раздорской в конце XIX в. так описывал М. Ветров: «Входит в комнату толпа атарщиков, какой впереди – с торбой овса, висящей на веревке через плечо; этот коновод, переступая через порог, даже не перекрестясь по обычаю, берет из торбы горсть овса, бросает его в передний угол к образам, потом по сторонам по всей комнате, с каждым взмахом руки приговаривает один из следующих стихов:

На коня,
 На кобылу,
 На сивую гриву,
 На волнистый хвост,
 На стопу блинов,
 На бутылку водки,
 На меру пшеницу,
 На букатку мяса,
 На рубль денег...» [3].

Хозяева сажали обходчиков за стол, подносили рюмку водки, кормили и одаривали – в зависимости от количества содержащихся в отаре от их семьи лошадей. Посещение домов пастухами и «обсевание» ими жилищ было широко распространено и в крестьянской среде, воспринималось как благодатное. Также у казаков табунщики, ответственные

за сохранение конных табунов, пастухи, сохраняющие стада коров, почитались в общинах как люди, выполнявшие важнейшую общественную функцию.

Особенностями военизированного быта казаков были обусловлены такие повинности, как дежурство при станичном правлении, конвоирование, охрана поселений и лесов и пр. Так называемая *сиденочная повинность* выполнялась преимущественно молодыми казаками, находящимися при станичном правлении в течение нескольких дней в году. Они занимались разноской пакетов, вручением судебных повесток, нередко также работали на личном подворье станичного атамана.

Распределение работ и повинностей между разными группами жителей станиц и хуторов всегда строго контролировалось общиной. В некоторых случаях от каких-то работ и повинностей освобождались те хозяйства, которые находились на грани разорения; в случае болезни хозяина, пожара, падежа скота и по другим причинам. Освобождение, по усмотрению общества, могло длиться и полгода, и год, и более. При этом община строго наказывала тех, кто был «неисправен» в выполнении общественных трудовых повинностей. Для начала их «увещевали» на кругу (сборе); в случае повторного невыполнения штрафовали и *грабили*, то есть изымали часть имущества и продавали с торгов (использовался также термин *обдирать*) [23, с. 283].

Общественные работы способствовали объединению не только жителей одной станицы, но и находящихся в ее юрте хуторов, так как нередко осуществлялись при объединении станичников и хуторян. Так происходило, например, при заготовке сена для станичных жеребцов: «...сено казаки косят всей станицей вместе с хуторами. Весь участок, отведенный под сенокос, разделяют на части по числу десятков, а затем каждый десяток выкашивает свою часть. Внутри отдельных участков казаки устанавливают, кому косить, кому складывать в стога. Бывает и так: жители станицы косят сено, а хуторяне складывают его в стога» [23, с. 283].

Одной из разновидностей общественных повинности на Дону была охота. Так, в случае появления в окрестностях значительного количества волков станичный атаман мог при-

звать к охоте на них «поголовно всех взрослых казаков». Охота на волков всегда была коллективной и конной. Для этого казаки собирались в специальную артель и сообща покупали необходимый инвентарь. Коллективно же разделялась и добыча или вырученные от нее деньги [5]. Руководил охотой на волков специально избираемый на это время *ватажный атаман* – из числа опытных стариков или урядников. Нередко на эту должность выбирали станичного атамана [25].

Особые общественные повинности имели в казачьих общинах и казаки-старики. По своему статусу они (особенно так называемые *почетные старики*) были фигурами почти сакральными, и их основные функции направлялись «во вне»: были ориентированы на налаживание связей общины с предками, вообще с так называемым иномирьем. При этом некоторые функции стариков, сопрягаясь с сакральными силами, были непосредственно связаны и с трудом, и с землей.

Так, именно старикам принадлежала первоначально функция межстаничных межеваний земли. Они руководили выборным *общей правдой* – человеком, избранным обществом и осуществлявшим «прорезывание воды через Дон»: межевание земель, расположенных по обе стороны Дона. Они и сами выполняли роль «общей правды» при выделении юртовых земельных владений или возникновении спорной ситуации с земельными границами. Об этом свидетельствовал И. Тимошенко: «Чтобы решить в таком случае спор, назначали третейский суд, или, по-тогдашнему, “общую правду”. Общая правда был какой-нибудь старожил. Он, поклявшись перед Евангелием поступать по совести, брал в руки образ Спасителя и шел по тем местам, где, как он помнил, проходили грани. Показания его, в таком случае, были святы и ненарушимы для обеих сторон» [21, с. 145].

Если спорное дело доходило до войсковой канцелярии, там также нередко обращались к нормам обычного права: вызывали для присяги все тех же «лутчих» выборных стариков и после целования ими Евангелия выслушивали их показания [24, с. 65]. Иногда для разрешения поземельных споров станицы избирали «почетных стариков» и отправляли их в Главное Войско на лодках по Дону, предпо-

лагая, что в течение длительного путешествия они примирятся и придут к общему согласию [6]. В этом последнем случае особенно наглядно видно стремление разрешить конфликт с помощью Божественной воли путем отсылки по воле лиц, приближенных по статусу к высшим силам. В источниках, связанных с земельными межеваниями, речь идет о неких «избранных», «лутчих» и «почетных» стариках. Они специально избирались обществом именно из числа старых казаков, община активно «использовала» их положение у символической грани, признавая за ними статус «посредников» в общении с миром сакрального. Значительную роль старики играли в организации и контроле за соблюдением обычно-правовых норм. Именно старики чаще всего выполняли функции полицейских при атамане. Им выдавались специальные бляхи с надписью «Полицейский».

Сложилось в казачьей общине и представления о таких видах общественных работ, которые «не достойны казака». В случаях неизбежности выполнения таких работ прибегали к найму лиц, не являющихся членами казачьих сообществ. Так, согласно письменным источникам XVII в., именно наемные «неказаки» работали на сооружении и починке укреплений городков, на строительстве общественных зданий [8, с. 17]. И в более позднее время сохранялись общественные предубеждения относительно некоторых трудовых обязанностей и повинностей. Так, почти повсеместно нанимались «иногородние» крестьяне для пастьбы коров. Эта работа считалась позорной для казака. В редких случаях на эту должность соглашались идти «по нужде» бедные или уже отслужившие и вышедшие в отставку и не более чем на одно лето. В случаях, когда станичное или хуторское общество вынуждено было возлагать функции «коровьих пастухов» на казаков в порядке очереди, многие, «гнушаясь таким занятием», стремились нанять вместо себя «иногороднего». В одной из станиц бедного казака, согласившегося пасти коров, станичники дразнили *полковником* [20]. Традиция разделения трудовой и производственной сферы между казаками и так называемыми «иногородними» (по преимуществу ремесленниками, мастерами) сохранялась на Дону вплоть до начала XX века.

Результаты. Проведенный анализ показал, что к числу коллективных работ и повинностей в традиционной общине донских казаков в дореволюционное время относились различные виды полевых работ, охота и рыбная ловля, соседская взаимопомощь при постройке дома и заготовке продуктов на зиму, благоустройство поселений, содержание церкви и др. Особенности военизированного быта казаков были обусловлены такие повинности, как содержание конно-плодовых табунов, дежурство при станичном правлении, конвоирование, охрана поселений и пр.

Распределение общественных работ и повинностей происходило по половозрастному признаку: мужские, женские, смешанные. Некоторые виды работ признавались несоместимыми со статусом казака-воина и делегировались проживавшим на территории казачьих поселений «иногородним» – не входящим в сословие казаков. Особые повинности и работы закреплялись за «анормальными» членами общины.

Выявив структуру и функции коллективных работ и общественных повинностей, бытовавших в донской казачьей общине до первой четверти XX в, а также проанализировав систему народных терминов для их обозначения, мы пришли к выводу, что, по представлению казаков, эти работы и повинности – в силу их общественной значимости, способов организации и связи с понятием общей доли – относились более к сфере сакральной, чем профанной, представляя собой, по сути, разновидности обрядовых форм. За таким отношением к трудовой сфере жизни скрывались общие мировоззренческие установки казаков, их представления о гармонично устроенной социальной жизни, в которой общее дело и соседская взаимопомощь воспринимались как приоритетные и духовно обоснованные.

Проведенный анализ позволяет также конкретизировать наши представления о культуре повседневности традиционного общества, в котором границы между буднями и праздниками прорисовывались по иным принципам, отличным от принципов нетрадиционного общества, а сами трудовые будни нередко организовывались по принципу празднеств.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2019 г., № госрегистрации 01201354248.

The work was carried out in the framework of implementing the state task of The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) for 2019, state registration no. 01201354248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Из станицы С-кой / А. // Донские областные ведомости. – 1873. – № 2.
2. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. – М. : Наука, 1988. – 377 с.
3. Ветров, М. Станица Раздорская на Медведице / М. Ветров // Донские областные ведомости. – 1880. – № 61.
4. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Горомыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 348 с.
5. Из округа (об охоте на волков) // Донские областные ведомости. – 1874. – № 58.
6. Кательников, Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня / Е. Кательников. – Новочеркасск : Изд-во ОВДСК, 1886. – 63 с.
7. Краснов, С. Ю. Переход донских казачьих общин от вольно-захватного к уравнильно-передельному владению и пользованию общинными угодьями / С.Ю. Краснов // Стрежень : Научный ежегодник. – Волгоград : Издатель, 2011. – Вып. 9. – С. 51–67.
8. Куц, О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Куц Олег Юрьевич. – СПб., 2000. – 25 с.
9. Луночкин, М. Н. Цымлянская сторонка: История Чернышковского района / М. Н. Луночкин. – Волгоград : Издатель, 2001. – 350 с.
10. Обыватель. С Хопра / Обыватель // Донская газета. – 1876. – № 52.
11. Полевая запись 1987 г. М. А. Рыбловой в станице Букановской Кумылженского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М.А.
12. Полевая запись 2003 г. А. И. Евдокимова в станице Тепикинской Урюпинского р-на Волгоградской обл. Инф. Донцова В. Ф., 1923 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ. Материалы этнографической практики студентов ВолГУ 2003. г. / науч. рук. М. А. Рыблова.

13. Поляков, Р. Станица Гугнинская и ея темные леса / Р. Поляков // Донские областные ведомости. – 1874. – № 32.

14. Рыблова, М. А. Традиционные поселения и жилища донских казаков / М. А. Рыблова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 242 с.

15. Рыблова, М. А. Календарные праздники донских казаков / М. А. Рыблова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 168 с.

16. Рыблова, М. А. Обрядовая трапеза донских казаков: от обыденного к сакральному / М. А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 167–181.

17. Рыблова, М. А. Статья воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине / М. А. Рыблова – Волгоград ; Ростов н/Д : Изд-во ВолГУ : ЮНЦ РАН, 2017. – 280 с.

18. Словарь русских донских говоров. Т. II. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1976. – 224 с.

19. Словарь донских говоров Волгоградской области. – Волгоград : Издатель, 2011. – 703 с.

20. Станичник. Из станицы / Станичник // Донская газета. – 1876. – № 35.

21. Тимошенко, И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы / И. Тимошенко // Труды области войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1874. – Вып. 2. – С. 139–181.

22. Холодная, В. Г. Статус мужчины в социокультурной среде славянского населения Карпат в середине XIX – 30-х годах XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Холодная Вера Георгиевна. – СПб., 2003. – 312 с.

23. Харузин, М. Сведения о казацких общинах на Дону / М. Харузин. – М. : Тип. М.П. Щепкина, 1885. – 388 с.

24. Щелкунов, С. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском / С. Щелкунов // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1911. – Вып. X. – С. 26–65.

25. Я. А. Из Бурацкой станицы (Хоперского округа) / А. Я. // Донская газета. – 1874. – № 16.

REFERENCES

1. A. Iz stanitsy S-koy [From Stanitsa S.]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1873, no. 2.
2. Bernshtam T.A. *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX–nachala XX v.: polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kultury* [The Youth in the Ceremonial Life of the Russian Community of the 19th – Early 20th c. Gender and Age Aspect of Traditional Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 377 p.

3. Vetrov M. Stanitsa Razdorskaya na Medveditse [Razdorskaya Stanitsa on the Medveditsa River]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1880, no. 61.
4. Gromyko M.M. *Mir russkoy derevni* [World of the Russian Village]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 348 p.
5. Iz okruga (ob okhote na volkov) [From the District (About Hunting for Wolves)]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1874, no. 58.
6. Katelnikov E. *Istoricheskie svedeniya o Verkhne-Kurmoyarskoy stanitse, sostavlennye iz skazaniy starozhilov i sobstvennykh primechaniy, 1818 goda dekabrya 31 dnya* [Historical Data on Verkhne-Kurmoyarskaya Stanitsa Composed of Old Residents' Legends and Own Notes, December 31, 1818]. Novocherkassk, Izd-vo OVDSK, 1886. 63 p.
7. Krasnov S. Yu. Perekhod donskikh kazachyikh obshchin ot volno-zakhvatnogo k uravnitelno-peredelnomu vladeniyu i polzovaniyu obshchinnymi ugodyami [Transition of the Don Cossack Communities from Free and Capturing to Equalizing and Limiting Possession and Use of Communal Lands]. *Strezhen: Nauchnyy ezhegodnik* [Annual "Strezhen"]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011, iss. 9, pp. 51-67.
8. Kuts O. Yu. *Donskoe kazachestvo ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Don Cossacks from Capturing Azov to S. Razin's Uprising (1637–1667). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2000. 25 p.
9. Lunochkin M.N. *Tsymlyanskaya storonka: Istoriya Chernyshkovskogo rayona* [Tsimlyansk Region. History of Chernyshkovsky District]. Volgograd, Izdatel Publ., 2001. 350 p.
10. Obyvatel. S Khopra [From the Khoper River]. *Donskaya gazeta*, 1876, no. 52.
11. Polevaya zapis 1987 g. M.A. Ryblvoy v stanitse Bukanovskoy Kumylzhenskogo r-na Volgogradskoy obl. [Field Record of 1987 Made by M.A. Ryblova in Bukanovskaya Stanitsa of Kumylzhensky District of Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblvoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
12. Polevaya zapis 2003 g A.I. Evdokimova v stanitse Tepikinskoy Uryupinskogo r-na Volgogradskoy obl. Inf. Donskova V.F., 1923 g. [Field Record of 2003 Made by A.I. Evdokimov in Tepikinskaya Stanitsa of Uryupinsky District of Volgograd Region. Informant V.F. Donskova, 1923]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU. Materialy etnograficheskoy praktiki studentov VolGU 2003 g.* [Archive of the Volgograd State University Museum of Cossack Life. Materials of Ethnographic Internship of Volgograd State University Students, 2003]. Research Advisor M.A. Ryblova.
13. Polyakov R. Stanitsa Gugninskaya i eya temnye lesa [Gugninskaya Stanitsa and Its Dark Forests]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1874, no. 32.
14. Ryblova M.A. *Traditsionnye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov* [Traditional Settlements and Dwellings of Don Cossacks]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 242 p.
15. Ryblova M.A. *Kalendarnye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar Holidays of Don Cossacks]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2016. 168 p.
16. Ryblova M.A. Obyadovaya trapeza donskikh kazakov: ot obydenogo k sakralnomu [Ceremonial Meals of Don Cossacks. From Ordinary to Sacral Ones]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 167-181.
17. Ryblova M.A. *Stat voynom: traditsii sotsializatsii yunoshey i podgotovki voynov v donskoy kazachyey obshchine* [To Become a Warrior. Traditions of Young Men Socialization and Training Warriors in the Don Cossack Community]. Volgograd, Rostov-on-Don, Izd-vo VolGU, YuNTs RAN, 2017. 280 p.
18. *Slovar russkikh donskikh govorov. T. II* [Dictionary of Russian Don Dialects. Volume 2]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1976. 224 p.
19. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 703 p.
20. Stanichnik. Iz stanitsy [From Stanitsa]. *Donskaya gazeta*, 1876, no. 35.
21. Timoshchenkov I. Obshchestvennyy byt i narodnye obychai Kazanskoy stanitsy [Public Life and Folk Customs of Kazanskaya Stanitsa]. *Trudy oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta* [Works of the Don Cossack Host Region Statistical Committee]. Novocherkassk, 1874, iss. 2, pp. 139-181.
22. Kholodnaya V.G. *Status muzhchiny v sotsiokulturnoy srede slavyanskogo naseleniya Karpat v seredine XIX–30-kh godakh XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Status of a Man in the Social and Cultural Environment of the Slavic Population of the Carpathians in the Mid 19th – 30s of the 20th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 312 p.
23. Kharuzin M. *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu* [Information About Cossack Communities on the Don]. Moscow, Tipografiya M.P. Shchepkina, 1885. 388 p.
24. Shchelkunov S. Voysko Donskoe pri atamane Aleksee Ivanoviche Ilovayskom [The Don Cossack Host at the Time of Ataman Aleksey Ivanovich Ilovayskiy]. *Sbornik oblastnogo Voyska Donskogo statisticheskogo komiteta* [Collection of the Don Cossack Host Area Statistical Committee]. Novocherkassk, 1911, iss. 10, pp. 26-65.
25. Ya.A. Iz Buratskoy stanitsy (Khoperskogo okruga) [From Buratskaya Stanitsa (Khoper District)]. *Donskaya gazeta*, 1874, no. 16.

Information about the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, the Laboratory of Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Regional Development Laboratory, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), просп. Чехова, 41, 344006, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник Лаборатории регионального развития, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>